

Конституционное правопонимание как системный элемент российского федерализма

М. Р. Ромашова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация

Предлагается рассматривать конституционное правопонимание в качестве институционального элемента системы конституционного права, в содержании которого объединены конституционная феноменология, конституционная онтология и конституционная аксиология.

Возникновение и развитие конституционного правопонимания непосредственным образом связано с циклогенезом российской государственно-правовой системы, предполагающим выделение трех автономных исторических циклов: имперского, советского, постсоветского.

В контексте российского федерализма конституционное правопонимание подразделяется на монистическое и плюралистическое; общегосударственное (федеральное) и региональное (субъектов Федерации). Сопоставительный анализ названных типов, позволяет рассматривать общенациональное конституционное правопонимание в качестве идейной основы социально-культурной общности «русского мира».

Ключевые слова: конституция, «живая» конституция, Конституционное правопонимание, исторический циклогенез, государственно-правовая система, регионализм, федерализм.

Для цитирования: Ромашова М. Р. Конституционное правопонимание как системный элемент российского федерализма // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 3 (77). – С. 69–91. DOI: 10.35231/18136230_2024_3_69. EDN: DXBMCD

Constitutional Legal Understanding as a Systemic Element of Russian Federalism

Maria R. Pomashova

Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russian Federation

It is proposed to consider constitutional legal understanding as an institutional element of the constitutional law system, the content of which combines constitutional phenomenology, constitutional ontology and constitutional axiology.

The emergence and development of constitutional legal understanding is directly related to the cyclogenesis of the Russian state and legal system, which involves the identification of three autonomous historical cycles: imperial, Soviet, post-Soviet.

In the context of Russian federalism, constitutional legal understanding is divided into monistic and pluralistic; national (federal) and regional (subjects of the federation). A comparative analysis of these types allows us to consider the national constitutional legal understanding as the ideological basis of the socio-cultural community of the "Russian world".

Key words: constitution, "living" constitution, constitutional legal understanding, historical cyclogenesis, state and legal system, regionalism, federalism.

For citation: Romashova, M. R. (2024) Konstitutsionnoe pravoponimanie kak sistemnyy element rossiyskogo federalizma [Constitutional Legal Understanding as a Systemic Element of Russian Federalism]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (77). Pp. 69–91. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_3_69. EDN: DXBMCD

Введение

Проблемные аспекты, связанные с конституционным правопониманием, вплоть до последнего времени не являлись предметом внимания ни со стороны теоретиков права, ни со стороны конституционалистов. Вместе с тем, несмотря на то, что сами понятия конституции, конституционализма, конституционного строя относятся к числу постоянно употребляемых как в юридической науке, так и в практике правотворческой и правореализационной, их понимание в качестве общеправовых и отраслевых категорий продолжает носить неоднозначный характер, что обуславливает необходимость проведения самостоятельных научных исследований в данной области и объясняет выбор заявленной темы.

В качестве объекта исследования определены общественные отношения в сфере конституционного права, связанные с формированием конституции и определением ее места как в системе национального законодательства, так и в ценностной парадигме, формирующейся в государстве на определенном этапе его исторического развития.

В качестве цели задающей направленность подготовленной статьи автором определен комплексный теоретико-отраслевой анализ конституционного правопонимания в контексте российского федерализма, который предлагается рассматривать на основании метода циклического политогенеза, в соответствии с которым в истории российской государственности следует разграничивать три самостоятельных цикла: имперский регионализм, советский федерализм, постсоветский федерализм. В рамках каждого из выделенных циклов, происходят качественные изменения формы и содержания государственного устройства, а это, в свою очередь, оказывает значимое влияние на конституционное правопонимание.

Достижение поставленной цели обусловило постановку ряда научно-исследовательских задач:

- провести феноменологический анализ конституционного правопонимания;
- выделить и охарактеризовать особенности конституционной онтологии и конституционной аксиологии;
- исследовать исторические этапы становления и развития конституционного правопонимания с учетом циклического генезиса российской государственно-правовой системы;
- установить связь национального конституционного правопонимания и федерализма;
- определить формальные параметры и содержательные особенности конституционного правопонимания в условиях советского и современного российского федерализма;
- показать специфику регионального конституционного правопонимания и сформулировать рекомендации по его оптимизации в обозримой исторической перспективе.

В качестве методологической основы исследования автором избраны методы межотраслевого синтеза и циклического политогенеза. Эти методы позволяют, во-первых, объединить достижения общей теории права и отраслевой юридической науки, а во-вторых, показать специфику конституционного правопонимания в условиях как завершенных исторических циклов (имперской и советской России), так и на современном этапе Российской государственно-правовой системы, в качестве одного из концептуальных оснований которой предлагается рассматривать современный российский федерализм.

Феноменология конституционного правопонимания

Термин правопонимание может использоваться как для обозначения динамического процесса интеллектуальной деятельности человека, направленного на познание

права, так и на полученный в ходе этой деятельности результат, отражающий уровень постижения правовой реальности и оценочное отношение к нему как целостному формально-юридическому и социально-культурному феномену, объективно существующему в определенных исторических условиях [5, с. 378–389].

Осуществленный анализ научных подходов к типологии правопонимания в зарубежной и отечественной юридической литературе, позволяет говорить о том, что авторы – разработчики классических (традиционных) типов понимания права – в своем творчестве были непосредственным образом связаны с современной им исторической эпохой, которая, в свою очередь детерминировала форму и содержание национальной государственно-правовой системы, в рамках которой создавалась та или иная теоретическая модель правопонимания [10, с. 8]. Так для феодального монархического государства (королевства, княжества), традиционным считался патримониальный подход, в рамках которого государство в целом и право как инструмент государственной организации и управления, в частности, выступали в качестве объектов владения, пользования, распоряжения со стороны главы государства – царствующего монарха. Эпоха буржуазных революций, выдвинула на политическую авансцену представителей «третьего сословия» – буржуазии, идейно-теоретической базой которых являлись теории общественного договора и естественного права, в соответствии с которыми государство – это не собственность государя, а результат соглашения свободных граждан, являющихся носителями неотчуждаемых, возникающих у них с рождения прав и свобод, сам факт существования и объем которых определялся не волей монарха и непосредственным образом зависимой от него со-

словной аристократии, а природными закономерностями либо Божественным провидением. Практическим воплощением названных теорий стала североамериканская федерация штатов, для которых Конституция 1787 г. являлась одновременно и новым видом государственных законов – кодифицированным нормативно-правовым актом наделенным высшей юридической силой и прямым действием, и своего рода союзным договором, с ратификацией которого непосредственным образом связывалось вхождение соответствующего штата в единое федеративное государство [7, с. 38–40]. Именно с буржуазными политико-правовыми преобразованиями следует связывать факт юридического оформления основного государственного закона – конституции, а также возникновение конституционного правопонимания представляющего собой системный отраслевой фрагмент общей теории правопонимания, в рамках которого вырабатывается и закрепляется как на теоретико-концептуальном уровне, так и в практической юридической деятельности субъективное отношение к пониманию и структурированию государственного (конституционного) права в целом и конституции в частности [3, с. 140–145; 4, с. 19–35].

Российская социалистическая революция 1917 г., обусловила возникновение советской социалистической государственно-правовой системы, в структуру которой были экстраполированы юридические формы буржуазной демократии (конституция, демократия, представительное правление, гражданское равенство и т. п.), которые были наполнены собственным, качественно отличным от аутентичного, смысловым содержанием.

В условиях социалистической правовой системы, конституционное правопонимание носило сугубо нор-

мативистский характер, в рамках которого право в целом и конституция, в частности, рассматривались как «возведенные в закон» волевые установки господствующих классов, к числу которых в государстве нового исторического типа относились рабочий класс и колхозное крестьянство, представители которых занимали наибольшее по численности место и в КПСС – «руководящей и направляющей силе советского общества» (ст. 6 Конституции СССР 1977 г.) и в органах народного представительства (разноуровневых советах народных депутатов).

В современной России утратил актуальность формационный подход к дифференциации государственно-правовых систем, что обусловило отказ от разделения конституций на «монархические», «буржуазные», «социалистические». На смену «классовому» государству, пришло «правовое», в котором конституция выступает не как «послушный инструмент» государства, которое оперирует им в рамках «государственного права», а в качестве реального «основного» закона, положения которого в равной степени обязательны и для граждан, и для самого государства, представленного органами и должностными лицами аппарата «единой системы публичной власти».

В настоящее время конституционное правопонимание представляет отраслевое институциональное формирование, объединяющее специализированные нормы (дефиниции, принципы, цели, ценности), в которых отражается отношение к самой конституции со стороны общества и государственной власти, а также определяют конституционные ценности, характеризующие современное (по отношению к определенному историческому этапу/циклу) состояние российской государственно-правовой системы и задающие целеполагания ее развития в перспективном будущем.

Онтологические и аксиологические основания конституционного правопонимания

Конституционная онтология представляет совокупность нормативных источников посредством которых осуществляется внешнее выражение (формализация) как самой конституции, так и закрепленных в ней конституционных положений и принципов, а также вырабатывается концептуальное представление о конституции как о самостоятельном виде нормативных правовых актов («основном» законе) занимающих особое место в системе национального законодательства и вместе с тем, как о базовом основании всей государственно-правовой системы на определенном историческом этапе ее развития.

С точки зрения конституционной онтологии предлагается разграничивать два подхода к пониманию конституции: монистический и плюралистический. В рамках *монистического* подхода конституция представляет собой самостоятельный нормативно-правовой акт, изданный в порядке особой процедуры и обладающий высшей юридической силой по отношению к другим формальным источникам национального права условием принятия и наделения юридической силой которых является соответствие действующей конституции. Конституционный монизм занимает безусловное доминирующее положение в национальном конституционном правопонимании большинства государственно-правовых систем современного мира. *Плюралистический* подход предполагает рассмотрение конституции в качестве собирательного формирования, образованного совокупностью формальных источников, каждый из которых являясь структурным элементом национальной конституции не утрачивает самостоятельного юридического значения. Наиболее известным примером подобного восприятия является Конституция Великобритании, по факту представляющая

собой собрание статутов, прецедентов, обычаев, регламентирующих порядок организации и функционирования органов государственной власти, закрепляющих базовые принципы их взаимодействия как друг с другом, так и с институтами гражданского общества.

Онтологический анализ современного российского конституционного правопонимания, с одной стороны, позволяет говорить о нем как о монистическом, определяющем конституцию как писаный (выраженный в статичной документальной форме) нормативно-правовой акт (закон), изменения в который (за исключением положений глав 1, 2, 9) вносятся в порядке, предусмотренном для издания федеральных конституционных законов (ст. 136 Конституции РФ). Вместе с тем, с другой стороны, в рамках концепции «живой конституции», высказывается и проводится в жизнь идея, в соответствии с которой к формальным источникам конституционного права относится как сама конституция (представленная единой документальной формой), так и вносящие в ее текст (в том числе в положения глав 1, 2, 9) смысловую коррекцию нормативные интерпретационные акты Конституционного суда Российской Федерации, которые не являясь конституцией по форме, вместе с тем по юридической силе, как минимум равны ей (Н. С. Бондарь¹). Таким образом, в плане онтологии, можно говорить о сочетании в современном российском конституционном правопонимании как монистического, так и плюралистического подходов.

Конституционная аксиология включает в себя понимание конституции как наиболее значимой правовой ценности и вместе с тем формы юридического закрепления специализированных норм-ценностей, отражающих субъективное отношение к государственно-правовому

¹ Судья КС Николай Бондарь: Конституция 1993 года — живой документ нашей эпохи [Электронный ресурс]. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20181212/292461034.html (дата обращения: 01.07.2024).

устройству, как со стороны общества в целом, так и формирующих его социальных групп и отдельных граждан.

Говоря о ценностном восприятии самой конституции, автор акцентирует внимание на динамике его изменений в ходе генезиса российской государственно-правовой системы. В Российской империи конституция воспринималась в качестве «антиценности», представлявшей непосредственную угрозу для монархической формы государственного правления. В советской России, конституция рассматривалась в качестве явления ценность, которого носит временный характер и определяется требованиями и условиями зафиксированного в конституционном тексте этапа социалистического строительства. Современным российском конституционным правопониманием, конституция воспринимается как «вневременная» ценность, значимость которой не зависит от того или иного хронологического периода либо политической конъюнктуры.

Рассмотрение ценностей, получивших закрепление в текстах ранее действовавших и действующей российской Конституции, позволяет сделать вывод о достаточно высокой степени их вариативности.

В первых советских российских конституциях (1918, 1925 гг.) имел место ярко выраженный классовый подход, предполагавший деление граждан на две враждебные группы: трудящихся и бывших эксплуататоров, а также лиц, живущих на «нетрудовые доходы». «Эксплуататоры» подлежали уничтожению, а «нетрудовые элементы» – «перековке». При этом, и первые, и вторые, представляли «социальную антиценность», что обуславливало их отношение к социальной группе «лишенцев», не допускаемых к участию в политической жизни государства и существенным образом ограниченных в личных правах.

В конституциях «победившего» (1936, 1937 гг.) и развитого (1977, 1978 гг.) социализма в качестве основной

социальной ценности рассматривался «советский гражданин» – индивид занимающий «достойное» место в обществе «строителей социализма и коммунизма» и строящий свою жизнедеятельность по принципу: «От каждого по способности, каждому по труду».

В действующей российской Конституции в качестве высшей ценности определяется «человек, его права и свободы» (ст. 2), при этом признается, что: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ст. 17). Таким образом на конституционном уровне закрепляются естественноправовые ценности, сам факт формирования и реализации которых относительно не зависим от государства.

Трансформация конституционного правопонимания в контексте циклического генезиса российской государственно-правовой системы

Структурная композиция конституционного правопонимания объединяет совокупность формальных и содержательных (субстанциональных) элементов. В качестве формальной составляющей предлагается рассматривать систему юридических источников государственного (конституционного) права, действующего на определенном этапе (цикле) российской государственности. Содержательный (субстанциональный) элемент конституционного правопонимания представлен конституционным правосознанием и юридически значимым поведением субъектов конституционных правоотношений.

Как уже ранее отмечалось, российская государственно-правовая система в отличие от зарубежных аналогов на всех исторических этапах своего генезиса являлась именно государственной (от корневого слова «государь»), предполагающей выстраивание общественных отношений по принципу иерархической «вертикали власти»,

устройство и функционирование которой определялись верховным правителем – главой государства. При такой форме государственного устройства вполне логично деление права на три основополагающие отрасли: государственное, гражданское, уголовное. Первое закрепляет базовые положения и принципы государственного устройства и взаимодействия государства и общества, представленного различными социальными корпорациями и отдельными индивидами. Гражданское право регулирует частную жизнь физических и юридических лиц, в той ее части, которая не подлежит публичной регламентации и не выходит за границы, установленные «государственным законом». В свою очередь уголовное право определяет виды и составы преступлений и устанавливает ответственность за их совершение.

И в Российской империи, и в Советской России, не зависимо от ценностного отношения к конституции, право рассматривалось в качестве «возведенной в закон воли государства». Последнее было представлено «господствующим классом». То, что в Империи таким классом являлась дворянская и буржуазная аристократия, интересы которой на высшем уровне олицетворял царствующий император, а в Советской России фактическая власть принадлежала партийно-хозяйственной номенклатуре, во главе которой находился коллективный орган – Политбюро ЦК КПСС, не меняет сути вопроса. Отношение государства к праву в целом и к конституции в частности, носило сугубо утилитарный характер и являлось отношением «хозяина к вещи». Естественно, что при таком подходе вся сфера публичных отношений регулировалась «государственным правом».

В государственном праве Российской империи, понятия «конституция», «конституционный строй» и т. п. рассматривались как неприемлемые для отечественной

государственно-правовой традиции, при этом по своей сути являлись конституционными, издаваемыми от имени государства в установленном государством порядке законодательные акты (Соборное уложение 1649 г., Свод государственных законов 1836 г., Основные государственные законы 1906 г.) имевшие предметом своего регулирования вопросы, которые в советской и постсоветской России были урегулированы в текстах писаных конституций.

В советском государстве, как уже отмечалось выше, кардинальным образом изменилась форма правления, но осталось практически неизменным соотношение государства и права, последнее продолжало оставаться во всех своих отраслевых сферах «государственным». Однако, появление «формальной» конституции, ставшей самостоятельным объектом научного исследования и профессионального обучения советских юристов, обусловили содержательную трансформацию «общегосударственного права» в самостоятельную отрасль советского права («государственное право»), которая по сути своей являлась «конституционным правом» и включала два направления «государственное право СССР» и «государственное право зарубежных стран». Предметом изучения в рамках первого направления являлись теоретические и практические аспекты советского социалистического конституционализма. Государственное право зарубежных стран исследовало конституции иностранных государств, руководствуясь формационно-классовым подходом, в рамках которого все государства делились на две политико-правовых системы: социалистическую («прогрессивную») и капиталистическую («регрессивную»).

Переход российской государственно-правовой системы к модели правового государства (ст. 1), предполагает верховенство права в целом и конституции, в частности, во всех областях жизнедеятельности государства и об-

щества. В таком понимании государство в той же степени ограничено правом и конституцией (которые перестают быть «государственными вещами» и начинают восприниматься как «высшие» ценности), что и образующие его граждане и общественные организации. Концептуальное изменение соотношения государства и право, повлекло трансформацию наименования отрасли, науки, учебной дисциплины из «государственного» в «конституционное» право, а это в свою очередь предопределило субстанциональную (содержательно-ценностную) трансформацию конституционного правосознания, в рамках которого конституция стала восприниматься не в качестве «государственного инструмента» – предмета государственной собственности, а реального «основного закона», в равной степени обязательного как для гражданского общества, так и для самой государственной власти, которая в своей организации и функционировании должна быть «властью подзаконной» [11, с. 28–36].

Конституционное правопонимание и конституционная традиция в условиях советского и современного российского федерализма

В формально-юридическом контексте категории конституция, конституционный строй, конституционное правопонимание, конституционная традиция возникают в советский период российской государственности, политико-правовые основы которой получили законодательное закрепление в Конституции РСФСР 1918 г., в тексте которой среди основополагающих принципов государственного устройства был, в том числе, закреплён национальный федерализм, в соответствии с которым Советская Россия представляла «федерацию Советских национальных республик» (ст. 2). Такая же характери-

стика содержалась и в Конституции РСФСР 1925 г. (ст. 2), которая была принята на следующий год после принятия Конституции СССР 1924 г. При этом если для Советского союзного государства его национальная федеративная природа, сомнений не вызывала, то применительно к РСФСР, такая характеристика была по меньшей степени не точной, поскольку большинство административно-территориальных образований в комплексе составляющих территорию Советской России создавались не по национальному, а по иным критериям (историческому, экономическому, географическому, урбанистическому и др.), безотносительно национальной принадлежности их населения [6, с. 30–45]. Кроме того, не обладали статусом республик такие национальные образования как автономные области и автономные округа. В текст Конституции РСФСР 1937 г. не была включена используемая в предыдущих конституционных актах характеристика Советской России как «федерации Советских национальных республик». Вместо этого в ст. 14 определялся перечень административно-территориальных единиц входивших в состав РСФСР, без использования термина «субъект федерации». В данной Конституции были выделены 4 типа: край, область, автономная советская социалистическая республика, автономная область. В Конституции РСФСР 1978 г. сохранился подход к пониманию РСФСР как смешанной федерации, состоящей как из национальных, так и из политико-территориальных образований. При этом, дополнительно были выделены города республиканского значения (Москва, Ленинград), а также автономные округа. В Конституции определялось, что автономные области входят состав краев, а автономные округа, в состав краев и областей (ст. 71). Таким образом в формальном отношении в качестве реальных субъектов РСФСР следовало рассматривать края, области, автономные советские

социалистические республики и города республиканского значения. Как уже отмечалось ранее, в советских конституциях (как в союзных, так и в региональных) не использовалась категория «субъект Федерации» и не закреплялся принцип их равенства в отношениях друг с другом и с федеральным центром. Фактически же, «привилегированным» конституционным статусом в системе Советского федеративного государства наделялись республики (как союзные, так и автономные), которые имели конституционный статус государств, собственные конституции (причем в конституциях союзных республик закреплялось их право на свободный выход из состава Союзного государства (см, к примеру ст. 69 Конституции РСФСР 1978 г.) и аналогичную союзной систему государственных органов [1, с. 54–67]. Еще одной особенностью советского федерализма являлось структурно-содержательное разграничение федеральной и региональных систем законодательства [2, с. 35–37]. Как уже ранее отмечалось принятие союзной (федеральной) конституции, являлось условием принятия аналогичных актов союзными и автономными республиками. В текстах региональных конституций дублировались (с учетом национальной специфики) основные положения и принципы союзного Основного Закона. Говоря же о структуре отраслевого законодательства, следует отметить иной подход, в рамках которого на уровне Союза принимались Основы законодательства (уголовного, уголовно-процессуального, гражданского, гражданско-процессуального). Союзные республики принимали собственные кодексы, в структуре которых Основы, занимали место единой для всех республиканских кодексов общей части. В свою очередь нормы особенной части разрабатывались с учетом национально-культурных особенностей соответствующей республики и имели определенные отличия, обусловленные этими особенностями.

Особенностью конституционного правопонимания в контексте советского федерализма являлось прежде всего восприятие конституционной системы как детерминированной общности союзной и региональных конституций, в основу взаимодействия которых была положена устойчивая конституционная традиция, определявшая как время и порядок разработки региональных конституций, так и их содержание.

Проведенный сопоставительный анализ формальных и содержательных параметров федерализма применительно к государственно-правовым системам СССР и РСФСР, позволяет утверждать, что собственно федеративной в советский период являлась только система Союзного государства, в рамках которой можно было говорить о формальном равенстве союзных республик, как по отношению друг к другу, так и к федеральному центру, в качестве которого выступала РСФСР, неформальный статус которой был закреплен в советском гимне: «Союз нерушимый республик свободных, сплотила навеки Великая Русь».

В Конституции РФ 1993 г. закрепляется федеративная форма государственного устройства (ст. 1) современной России и определяется принцип равенства субъектов ее образующих (ч. 4 ст. 5).

Территориальное устройство РФ конкретизировано в ст. 65, где в качестве равноправных субъектов выделены республики, края, области, города федерального значения, автономные округа и автономная область. Так же, как и в советском федерализме, республики обладают «привилегированным» конституционным статусом: именуются государствами, имеют собственные конституции, могут устанавливать собственные государственные языки [8, с. 27–33]. Автор считает необходимым акцентировать внимание на том обстоятельстве, что разработка проекта Конституции осуществлялась в период, когда имел место

«парад суверенитетов», в результате которого республиканский статус получили практически все автономные области (за исключением Еврейской), которые в период советского федерализма рассматривались как составные части краев и, таким образом фактически субъектами советской российской федерации не являлись. Кроме того, принятие в состав РФ самопровозглашенных ЛНР и ДНР (2022 г.), созданных на основе одноименных областей, равно как и более раннее вхождение в Россию Республики Крым «размывает» представление о республике как о национальном образовании в составе многонационального Российского государства (то же самое можно сказать о Республике Дагестан, образованной по принципу административного соединения в одном образовании представителей более 40 национальностей).

В качестве инструмента преодоления «конституционной разобщенности» федерального центра и регионов может быть предложена концепция «живой конституции», активными сторонниками которой выступают судьи Конституционного Суда РФ (как действующие – В. Д. Зорькин, так и находящиеся в почетной отставке – Н. С. Бондарь). В рамках предлагаемой концепции Конституция рассматривается как нормативный правовой акт, в содержании которого закрепляется плюрализм правопонимания, что позволяет гармонично сочетать в конституционном правотворчестве и правореализации такие традиционные типы, как нормативизм, юснатурализм, юридическую социологию и правовой историзм [12, с. 41–44]. Также «живая конституция» обеспечивает взаимосвязь аутентичного конституционного текста (значительная часть которого (гл. 1, 2, 9), может быть изменена только путем принятия новой конституции) и нормативных интерпретационных актов Конституционного суда, посредством которых осуществляется смысловая коррек-

ция конституционных положений и принципов, без изменения их текстуальных формулировок. Применительно к «живой конституции», Конституционный суд выступает не только в качестве ее официального интерпретатора, но и государственного органа наделенного функциями легального (делегированного) конституционного правотворчества [9, с. 18–25].

Отмечается, что в действующей Конституции получили закрепление две характеристики Российской Федерации: национальная (Россия – многонациональный союз равноправных народов с особым местом государствообразующего русского народ) и территориальная (Россия – общность территорий ее субъектов).

Идейным основанием единой конституционной системы в условиях современного российского федерализма, по мнению автора, призвано стать национальное конституционное правосознание обеспечивающее сохранение и продолжение конституционной традиции, основанной как на традиционных, так и вновь формируемых духовно-нравственных ценностях, положенных в основу «культурно-цивилизационной общности Русского мира».

Заключение

Конституционное правопонимание представляет собой системный отраслевой фрагмент общей теории правопонимания, в рамках которого вырабатывается субъективное отношение к пониманию и структурированию конституционного (государственного) права в целом и Конституции, в частности.

В контексте становления и развития российского федерализма конституционное правосознание трансформируется под воздействием закономерностей специфических для обособленных исторических циклов российской государственно-правовой системы.

В условиях Российской империи, действует принцип доминирования государства в лице царствующего императора над регионами, воспринимаемыми в качестве составных элементов «единого и неделимого имперского тела», не обладающих в таком статусе сколько ни будь значительной автономией. Имперское государственное право, отрицает конституцию как предмет буржуазной республиканской правовой культуры, хотя и допускает наличие конституционных актов в отдельных национальных регионах (Царстве Польском и Великом княжестве Финляндском).

В советской России (РСФСР/СССР) на конституционном уровне получила закрепление концепция национального федерализма, в соответствие с которой советское государство представляло собой «федерацию национальных республик». Советские конституции выступали в качестве законодательных актов («основных законов») принимаемых в целях «юридической фиксации» результативных достижений, полученных государством и обществом в ходе социалистического строительства, при этом функции стратегического планирования в области государственно-правового развития выполняли партийные программы.

В современной России государственное устройство базируется на смешанной модели федерализма, в которой национальные и политико-территориальные субъекты формально обладают равным статусом, однако при этом так же формально субъекты-республики выделены в особую группу (имеют дополнительный конституционный статус государств, свою конституцию, могут устанавливать собственные государственные языки), что позволяет говорить о современном российском федерализме как асимметричном. Современное российское конституционное правопонимание складывается под воздействием двух тенденций: центростремительной,

предполагающей подчиненное положение субъектов Федерации по отношению к федеральному центру и центробежной, направленной на стремление к региональной автономизации, что в ряде случаев приводит к проявлениям «регионального сепаратизма».

Сочетание в современном российском конституционном правопонимании нескольких классических типов понимания права (нормативистского, естественно-правового, социологического, исторического), равно как и «включение» в конституционную систему таких инновационных для отечественной конституционно-правовой практики институтов как президентская власть и конституционный суд, обусловили формирование концепции «живой конституции», в рамках которой предлагается комплексный подход к пониманию конституции как явления в котором аутентичный текст дополняется актами интерпретационного правотворчества, способными адаптировать текстуальные положения к изменяющейся конституционно-правовой реальности. Практическое воплощение концепции «живой конституции», в системе отечественного конституционализма, с одной стороны снимает с повестки дня вопрос об «исторической конечности» конституции, юридическая сила которой зависит теперь исключительно от факта легальности и легитимности единой системы публичной власти, а с другой стороны, позволяет рассматривать конституцию в качестве «основного документа стратегического планирования», содержащего целевые установки определяющие направленность государственно-правового развития в обозримом будущем.

Список литературы

1. Железнов Б. Л. Конституционно-правовые институты автономных республик в советский период // Вестник экономики, права и социологии. – 2008. – № 4. – С. 54–67.

2. Кирсанов А. Ю. О системе советского законодательства (историко-правовой аспект) // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2022. – № 1. – С. 35–37.
3. Крусс В. И., Борисов Г. Д. Конституционное правопонимание и догма формально-юридической дескрипции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2023. – № 3 (63). – С. 140–145.
4. Крусс В. И. Конституционное правопонимание vs "юридической эпистемологии": Бьярн Мелкевик и "другие" // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 11. – С. 19–35;
5. Ромашова М. Р., Панченко В. Ю. Конституционное правопонимание: историко-теоретический и отраслевой аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2024. – Т. 28, № 2. – С. 378–389.
6. Сосенков Ф. С. Конституционно-правовые принципы советского федерализма // Genesis: исторические исследования. – 2021. – № 11. – С. 30–45.
7. Теплова Д. О. Идеи американских федералистов и их реализация в Конституции США 1787 года // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2018. – № 4 (51). – С. 38–40.
8. Федорев М. Н. Федерализация государственно-территориального устройства России на современном этапе // Современное право. – 2021. – № 11. – С. 27–33.
9. Червонюк В. И. Концепт "живой конституции" в российском конституционном дискурсе // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2018. – № 4. – С. 18–25. – EDN POGZCO.
10. Честнов И. Л. Проблемы типологии правопонимания // История государства и права. – 2003. – № 6. – С. 8.
11. Четвернин В. Российская конституционная концепция правопонимания // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2003. – № 4 (45). – С. 28–36.
12. Юн Л. В. Конституционное правопонимание как важный элемент конституционного судопроизводства // Ученые записки Казанского филиала "Российского государственного университета правосудия". – 2023. – Т. 19. – С. 41–44.

References

1. Zheleznov, B. L. (2008) Konstitucionno-pravovye instituty avtonomnyh respublik v sovetskij period [Constitutional and legal institutions of autonomous republics in the Soviet period]. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii – Bulletin of Economics, Law and Sociology*. No. 4. Pp. 54–67. (In Russian).
2. Kirsanov, A. Yu. (2022) O sisteme sovetskogo zakonodatel'stva (istoriko-pravovoj aspekt) [On the system of Soviet legislation (historical and legal aspect)]. *Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava – International Journal of Constitutional and State Law*. No. 1. Pp. 35–37. (In Russian).
3. Kruss, V. I. (2023) Konstitucionnoe pravoponimanie i dogma formal'no-yuridicheskoj deskripcii [Constitutional legal understanding and the dogma of formal legal description]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3 (63). Pp. 140–145. (In Russian).
4. Kruss, V. I. (2021) Konstitucionnoe pravoponimanie vs "yuridicheskoj epistemologii": B'yarn Melkevik i "drugie" [Constitutional legal understanding vs "legal epistemology": Bjarne Melkevik and "others"]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*. Vol. 25, No. 11. Pp. 19–35. (In Russian).

5. Romashova, M. R. (2024) Konstitucionnoe pravoponimanie: istoriko-teoreticheskij i otraslevoj aspekty [Constitutional legal understanding: historical, theoretical and sectoral aspects]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki – Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*. Vol. 28, № 2. Pp. 378–389. (In Russian).
6. Sosenkov, F. S. (2021) Konstitucionno-pravovye principy sovetskogo federalizma [Constitutional and legal principles of Soviet federalism]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya – Genesis: historical research*. No. 11. Pp. 30–45. (In Russian).
7. Teplova, D. O. (2018) Idei amerikanskih federalistov i ih realizacija v Konstitucii SShA 1787 goda [The ideas of American federalists and their implementation in the U. S. Constitution of 1787]. *Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata – Scientific proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notariate*. No. 4 (51). Pp. 38–40. (In Russian).
8. Fedorec, M. N. (2021) Federalizacija gosudarstvenno-territorial'nogo ustrojstva Rossii na sovremennom etape [Federalization of the state-territorial structure of Russia at the present stage]. *Sovremennoe pravo – Modern law*. No. 11. Pp. 27–33. (In Russian).
9. Chervonyuk, V. I. (2018) Koncept "zhivovoj konstitucii" v rossijskom konstitucionnom diskurse [The concept of a "living constitution" in the Russian constitutional discourse]. *Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava – International Journal of Constitutional and State Law*. No. 4. Pp. 18–25. EDN POGZCO (In Russian).
10. Chestnov, I. L. (2003) Problemy tipologii pravoponimaniya [Problems of typology of legal understanding]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of the state and law*. No. 6. P. 8. (In Russian).
11. Chetvernin, V. (2003) Rossijskaya konstitucionnaya koncepcija pravoponimaniya [The Russian constitutional concept of legal understanding]. *Konstitucionnoe pravo: vostochnoevropejskoe obozrenie – Constitutional law: Eastern European Review*. No. 4 (45). Pp. 28–36. (In Russian).
12. Yun, L. V. (2023) Konstitucionnoe pravoponimanie kak vazhnyj element konstitucionnogo sudoproizvodstva [Constitutional legal understanding as an important element of constitutional legal proceedings]. *Uchenye zapiski Kazanskogo filiala "Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudija" – Scientific notes of the Kazan branch of the Russian State University of Justice*. Vol. 19. Pp. 41–44. (In Russian).

Об авторе

Ромашова Мария Романовна, соискатель, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-0504-5822, e-mail: 7029807@mail.ru.

About the author

Maria R. Romashova, Candidate, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0003-0504-5822, e-mail: 7029807@mail.ru

Поступила в редакцию: 03.07.2024
Принята к публикации: 23.08.2024
Опубликована: 30.09.2024

Received: 03 July 2024
Accepted: 23 August 2024
Published: 30 September 2024